

СОЦИАЛЬНОЕ НАСИЛИЕ И ТОЛЕРАНТНОСТЬ: РЕАЛЬНОСТЬ И МЕДИА-ОБРАЗЫ

Предисловие

Эта книга выпущена в рамках многолетнего проекта, выполняемого Независимым Институтом Коммуникативистики (НИК). Главной целью этого проекта является формирование у сотрудников российских СМИ ясного понимания сути насилия в современном обществе и овладение профессиональными технологиями освещения действий и акций, в основе которых лежит насилие. Для достижения этой цели НИК проводит исследовательские, аналитические и обучающие процедуры. В институте собраны и проанализированы материалы об участии СМИ в отображении эпизодов массового насилия, об отношении журналистов к проблеме насилия вообще и медийного насилия в частности, разработаны рекомендации по освещению проблем насилия и т.д.

Почему мы стали заниматься этой проблематикой?

Насилие, экстремизм всегда были естественной частью жизни общества и человека. Насилие повсюду. Насилие универсально, на нем строятся педагогика, секс, реклама, семейная жизнь и др. "Наше общественное сознание привыкло к тезису, согласно которому насилие является повивальной бабкой всякого развития. Крупные общественные изменения, коренные реформы мы обычно связываем с неизбежностью серьезных разрушений, больших потерь. "Лес рубят - щепки летят", - утверждает и популярная русская пословица. Соответственно, в общественном сознании утвердилось представление о революции, революционном действии вообще как об истинном в своей сущности деянии, торжестве справедливости и социального блага... Революционность - это привычная для нас форма избавления от социальных проблем. В общественном сознании присутствует скрытая вера в то, что любую социальную проблему можно и нужно решать хирургическими методами. И первые же шаги на этом пути создают новые проблемы, которые вновь подталкивают к хирургическому вмешательству. "Перманентная революция" - это отражение определенной социально-политической практики, которая может быть относительно терпима лишь в определенных условиях" [1](#).

О масштабах распространенности идеологии насилия свидетельствует статистика вандализма [2](#). В США за вандализм ежегодно арестовывается около 200 тыс. человек (и 15 тыс. за поджоги). По данным обследования, 899 домохозяйств в сельской местности штата Огайо, за год 15,5% хозяйств испытали хотя бы один случай вандализма, более 40% пострадали 2 раза и больше.

Самые частые виды вандализма: разрушение или порча почтовых ящиков молотком или битой, наезд на газоны и посевы, битье стекол домов, гаражей, сараев, пачканье машин краской, порча заборов и фонарей. В Канаде 37% жителей Торонто и 56% жителей пригородов выделяют вандализм как значимую проблему в местах своего проживания. Оценки латентности вандализма колеблются от 14-15 раз до 30. В Канаде, например, 65 из 100 пострадавших от вандализма не сообщают в полицию об ущербе. Многие исследователи констатируют, что за последние десятилетия в Европе и Америке происходит рост числа различных проявлений вандализма. Финансовый ущерб от вандализма огромен. Ежедневные материальные потери от вандализма в Нидерландах составляют 4 млн. долларов. В 1991 г. убытки лондонского метро от вандализма составили 20 млн. долларов, французских национальных железных дорог - 14 млн. долларов. В последние десятилетия увеличился ущерб от граффити. По данным американских исследователей, в 1970 г. ущерб, связанный с устранением

рисунков и надписей на станциях и в вагонах метро Нью-Йорка, оценивался в 250 тыс. долларов, в 1974 г. - 2 млн. долларов. В 1989 г. Лос-Анджелес и Нью-Йорк потратили на борьбу с этим явлением соответственно 50 и 55 млн. долларов. Убытки от вандализма только в американских школах составили в 1969 г. 100 млн. долларов, а в 1990 г. - 600 млн. долларов. Учет косвенных финансовых убытков еще больше увеличит оценки ущерба³.

В России социальная нестабильность также сопровождается увеличением различных форм хулиганства и вандализма. Моральное равнодушие и правовое невежество, социальный нигилизм и бессмысленная агрессивность, жестокость, к сожалению, стали повседневными реалиями нашей жизни. Анализ материалов, полученных в ходе исследований, проведенных Независимым Институтом Коммуникативистики, показывает, что хотя большинство россиян в принципе не одобряет интолерантное поведение и негативно относятся к фактам немотивированной агрессивности, вместе с тем, примерно 30% граждан не видят ничего дурного в интолерантном поведении. Кроме того, следует констатировать, что, не одобряя такое поведение в принципе, многие из наших сограждан (от 33% до 42%) довольно часто совершают интолерантные поступки, прекрасно понимая их несовместимость с правилами человеческого общежития, однако считая, что они вынуждены и имеют право так поступать. Довольно высок уровень немотивированной агрессии по отношению к представителям других наций и народностей.

Этим пользуются сторонники политического экстремизма и ксенофобии, национализма, шовинизма, антисемитизма. В стране действуют десятки военизированных экстремистских организаций, издаются сотни газет, книг, брошюр, листовок, в которых пропагандируются национальная, религиозная и социальная рознь, ведется психологическая подготовка, оправдывающая применение насилия, цель которого - свержение законно избранной власти и установление в стране "национально-ориентированного" режима.

К сожалению, по данным социологов, идеология национал-шовинизма находит откровенную поддержку не только у части населения, но и среди работников государственного аппарата, военнослужащих, сотрудников правоохранительных органов.

Активно ведется безнаказанная пропаганда, призывающая к изгнанию "инородцев" из России. Следствием этой пропаганды, не получающей должного противодействия, является распространение ксенофобии, а также конкретные криминально-террористические действия: взрывы, погромы, акты физического насилия, плакаты с оскорбительными лозунгами, призывающими к насилию по отношению к мигрантам и представителям так называемого некоренного населения.

В печати все чаще мелькает термин "криминализация несовершеннолетних". Сообщают об угрожающих темпах роста детской и подростковой преступности. Можно констатировать, что наше общество застигнуто врасплох этим грозным явлением, семья, школа, церковь, детские организации оказались перед ним бессильными. Конечно, опасная тенденция к усилению насилия среди молодежи свойственна далеко не одной России и не только странам, переживающим период социальных и ценностных сдвигов. Она присуща и вполне благополучным обществам.

Однако там она давно стала объектом пристального внимания социальных работников, политиков, которые в своих долгосрочных стратегиях опираются на солидный пласт разработок, проведенных социологами, психологами, психиатрами, педагогами, философами.

Но все это меркнет перед теми процессами, которые получили в последние годы наименование "международный терроризм". Следующие один за другим террористические акты вызывают чувство страха, незащищенности. Политическому руководству различных стран пришлось серьезно задуматься, какие меры следует предпринять для борьбы с терроризмом и как обезопасить своих граждан. В распоряжении человечества на данный момент существует лишь два способа разрешения всевозможных конфликтов: первый - силовой способ, опирающийся на военные средства или угрозы; второй - способ ненасилия, который подразумевает проведение переговоров, подписание соглашений, постепенное мирное устранение причин конфликта или явления. Ненасильственные способы урегулирования конфликтов с различной степенью успешности применялись во многих точках земного шара: в Либерии, Анголе, Гватемале, Таджикистане, Югославии и др. Однако все активнее заявляют о себе сторонники силовых методов разрешения конфликтов. Многих людей и целые страны охватило желание отомстить. С целью преодолеть страх и манию ужаса идея ответного мщения приобрела силу категорического императива. Героями дня являются те, кто считает, что со злом надо бороться самыми жесткими и даже жестокими мерами, вплоть до введения смертной казни, осуществления карательных операций и "зачисток", ужесточения информационной и идеологической цензуры, сокращения демократии, - все средства хороши и пригодны для "спасения" общества и граждан от анархии и хаоса.

Все шире распространяются взгляды, согласно которым интересы национальной и международной безопасности не позволяют уповать на сентиментальность и толерантность. Напротив, необходима суровая борьба за наведение необходимого порядка и дисциплины. Голоса тех, кто считает порочной идею борьбы против злокачественной агрессии методами кровной мести и пресечения насилия насильственными же средствами, практически не слышны. Многие иронизируют над немногочисленными сторонниками концепций толерантности, считающими, что даже в этой тяжелейшей исторической обстановке необходимо вновь и вновь поднимать вопрос о предпочтительности борьбы с культом инстинкта смерти и террором не на основе кровного мщения и такого же насилия, а на основе человеческой солидарности и, как минимум, на базе разумной и взвешенной толерантности.

Это в жизни. Что касается теории, то здесь в отношении к насилию прослеживаются два подхода. Согласно первому, понятие насилия несет четко выраженную негативную оценочную нагрузку, которую, впрочем, это слово имеет уже в естественном языке; оно, кроме того, употребляется в очень широком значении, включающем все формы физического, психологического, экономического подавления и соответствующих им таких душевных качеств, как ложь, ненависть, лицемерие и т.д. Насилие, по сути дела, прямо отождествляется (во всех его многообразных проявлениях) со злом вообще.

Как пишет А.А. Гусейнов, "при таком подходе возникают, как минимум, две трудности: во-первых, снимается проблема оправдания насилия, возможности его конструктивного использования; само понятие с самого начала содержит в себе ответ на вопрос, который подлежит обсуждению. Во-вторых, отрицание насилия выглядит как сугубо моральная программа, вступающая в непримиримую конфронтацию с реальной жизнью"⁴. Автор напоминает о позиции Л.Н. Толстого, который наиболее последовательно придерживался этой интеллектуально-духовной традиции, вкладывая в понятие насилия сугубо негативный и предельно широкий смысл, был одновременно радикальным критиком современной цивилизации, всех свойственных ей форм эгоизма и принуждения; для него, в частности, в плане отношения к насилию, не было большого различия между разбойниками с большой дороги и законными монархами, а если и было, то никак не в пользу вторых. И делает вывод: морализирующий абсолютизм является одной из основных причин, в силу которой идеи ненасилия сегодня в

обществе находят почти так же мало отклика, как и две с половиной тысячи лет назад, когда они впервые возникли. Люди - не ангелы, об этом можно сожалеть, но изменить такое положение дел нельзя.

Другой - прагматический - подход ориентируется на нейтральное и объективное определение насилия и отождествляет его с физическим и экономическим ущербом, который люди наносят друг другу; насилием считается то, что очевидно является насилием - убийство, ограбление и пр. Такая интерпретация позволяет ставить вопрос об оправданности насилия, возможности его использования в определенных ситуациях, но, как указывает А.А. Гусейнов, при этом отсутствует критерий для решения вопроса об оправданности насилия. Довод о том, что насилие оправданно в тех случаях, когда оно предотвращает большее насилие, которое, к тому же, никаким иным способом предотвратить невозможно, не выдерживает критики, потому что не существует единицы измерения насилия⁵. Насилие не возможно сосчитать, измерить, даже если его можно было бы охватить чисто внешним образом⁶.

Трудности, связанные с определением насилия, получают, по мнению А.А. Гусейнова, разрешение, если поместить его в пространство свободной воли и рассматривать как одну из разновидностей властно-волевых отношений между людьми.

Такое понимание насилия позволяет отличать насилие как определенную форму общественного отношения, с одной стороны, от инстинктивных природных свойств человека - агрессивности, воинственности, плотоядности, а с другой стороны, от других форм принуждения в обществе, в частности, патерналистского и правового. Вместе с тем, преодолевается свойственная этическому абсолютизму аксиологическая ловушка, и вопрос об оправданности насилия остается открытым для рационально аргументированного обсуждения⁷.

Однако и эта позиция уязвима для критики. В свое время Эрнст Геккель, основываясь на естественных законах борьбы за существование, пытался обосновать справедливость и благотворность смертной казни, как он выражался, "неисправимых преступников и негодяев". Возражая ему, Л.Н. Толстой спрашивал: "Если убивать дурных полезно, то кто решит, кто вредный? Я, например, считаю, что хуже и вреднее г-на Геккеля я не знаю никого, неужели мне и людям одних со мною убеждений приговорить г-на Геккеля к повешению?" Самый сильный и никем до настоящего времени не опровергнутый аргумент против насилия заключен в евангельском рассказе о женщине, подлежащей избиению камнями. Кто, какой святой может назвать нам преступников, подлежащих уничтожению? И если кто-то берет на себя это право судить, то что мешает другим объявить преступниками их самих?⁸

Другой известный специалист, занимающийся проблемами насилия и ненасилия, Р.Г. Апресян, указывает на другую классификацию видов насилия. При одном подходе насилие понимается как применение силы против человека (в радикальном выражении это убийство). При другом - как любое воздействие на человека, включая психическое и моральное, совершающееся против его воли. При третьем - как такое принудительное воздействие на личность, при котором нарушаются ее права⁹.

Что касается причин, вызывающих насилие, то сложились три типа теорий, объясняющих истоки насилия. **Первый тип** объединяет те концепции, которые выводят насилие из природы человека. При этом предполагается, что существуют врожденные склонности, инстинкты (инстинкт смерти, сексуальный инстинкт), которые подталкивают человека к насилию. К этому типу можно отнести и философские концепции, объясняющие насилие присущей человеку волей к власти, господству.

Второй тип теорий выводит применение насилия из экономических и социальных

условий жизни общества. Экономическое и социальное неравенство порождает дифференциацию общества на группы, общественные классы и противоречия и борьбу между ними. Преодоление этой борьбы лежит через установление социального равенства или, во всяком случае, смягчения неравенства. Соответственно, определяются допустимые пределы разрыва в уровне жизни различных классов для обеспечения стабильности общественной жизни.

Третий тип теорий связывает насилие с динамикой конфликта. В любом обществе возникают конкурирующие группы - экономические, политические, духовные. Первоначальное состояние конкурирующих групп и личностей - это потенциальный конфликт. Он становится реальным, когда конкурентное состояние персонифицируется, когда друг другу начинают противостоять конкретные индивиды. Это именно та стадия, когда насилие становится весьма вероятным.

Конфликт находит свое разрешение в победе одной из конфликтующих сторон. Утверждается новая иерархия. Наступает период адаптации к ситуации. Это период, когда формируются новые конкурирующие группы. История разрешения конфликта повторяется вновь и вновь.

Все три группы теорий исходят из того, что в основе насилия лежит действующая в настоящем времени и поэтому реально фиксируемая причина или совокупность причин. Такой подход считается продуктивным для объяснения многих феноменов насилия в жизни общества, в том числе и войн.

Явление, противоположное насилию, определяется в терминах "ненасилие", "терпимость", "толерантность", "солидарность" и др. Ненасилие исходит из убеждения в самоценности каждого человека как свободного существа и одновременно взаимной связанности всех людей в добре и зле. В основе ненасилия лежит концепция, согласно которой человеческая душа является ареной борьбы добра и зла, как писал Мартин Лютер Кинг, "даже в наихудших из нас есть частица добра, и в лучших из нас есть частица зла". Сознательно ориентируясь на добро, сторонник ненасилия, тем не менее, исходит из убеждения, что моральная амбивалентность является принципиально неустранимой основой бытия человека - он не исключает себя из того зла, против которого он ведет борьбу, и не отлучает оппонента от того добра, во имя которого эта борьба ведется. На этом построены принципы его поведения:

- а) отказ от монополии на истину, готовность к изменениям, диалогу и компромиссу;
- б) критика своего собственного поведения с целью выявления того, что в нем могло бы питать и провоцировать враждебную позицию оппонента;
- в) анализ ситуации глазами оппонента с целью понять его и найти такой выход, который позволил бы ему сохранить лицо, выйти из конфликта с честью;
- г) бороться со злом, но любить людей, стоящих за ним;
- д) полная открытость поведения, отсутствие в отношении оппонента какой бы то ни было лжи, скрытых намерений, тактических хитростей и т.п. [10](#).

По традиции, идущей от учения Льва Толстого, ненасилие нередко трактуется как "непротивление злу". Для массового сознания обычны ассоциации ненасилия с пассивностью, покорностью, непротивлением, попустительством. В XX веке ненасилие стало известно как массовая социальная практика - как стратегия и техника социально-политической борьбы, разрешения конфликтов и посредничества, гражданского (невоенного) сопротивления агрессору. Был даже введен термин "активное ненасилие", для того чтобы отделить ненасилие от пацифизма и квиетизма. Последовательное

ненасилие - активно, инициативно, целеустремленно; оно непременно противоположно насилию.

Этот прорыв в понимании ненасилия был бы исторически невозможен без того социально-исторического опыта, который был получен благодаря Мохандасу Ганди и Мартину Лютеру Кингу¹¹. Знаменательный успех воодушевленных ими движений в Индии и в США не только стимулировал развитие различных форм ненасильственной практики, но и дал толчок разнообразным теоретическим исследованиям в этой области.

Ненасилие как нормативная программа делает акцент на доброе начало в человеке, на то, чтобы усиливать его путем культивирования и сложения. Этим оно существенно отличается от насилия, как и в целом от властных отношений, которые направлены, прежде всего, на то, чтобы ограничивать, блокировать деструктивные, разрушительные проявления человеческой свободы.

Считается, что в реальном историческом процессе ненасилие превалировало над насилием, было преобладающей тенденцией. Если бы это было не так, то человечества бы уже не существовало, подобно тому, как в достаточно долгой перспективе не может сохраниться город, в котором количество домов, сгорающих в пожаре, превышает количество вновь возведенных зданий. Вообще, человеческое бытие возможно лишь в той мере, в какой ненасилие превалирует над насилием¹².

Однако такой благоприятный для человечества баланс ненасилия и насилия не является законом, он в значительной мере был гарантирован слабостью разрушительных средств. С точки зрения соотношения насилия и ненасилия наша эпоха представляет собой очень опасную, критическую точку. В настоящее время человечество вступило в полосу глобальных опасностей, стало заложником созданных им же самым колоссальных средств разрушения, которые способны трансформировать единичное насилие, частное зло, т.е. насилие и зло, посильное отдельным частным индивидам, во всеобщую непоправимую катастрофу.

Самое слабое, уязвимое место современной цивилизации - это противоестественное сочетание универсальных производительных сил с локальным, многократно (национально, регионально, социально и т.д.) ограниченным мировоззрением, компьютерной технологии с пещерной этикой. Нависшая над человечеством глобальная опасность - ядерная, экологическая, демографическая, антропологическая и другие - поставила его перед роковым вопросом: или оно откажется от насилия, "этики вражды", или оно вообще погибнет. Философия и этика ненасилия сегодня уже не являются просто актом индивидуальной святости, они приобрели в высшей степени актуальный исторический смысл¹³.

История XX века показала, что среди причин насилия появились и относительно новые, связанные с воздействием на сознание и поведение людей с помощью средств массовой информации. Специалисты много спорят о роли СМИ в создании той общественной атмосферы, в которой существует терроризм. И здесь приходится констатировать, что этот общественный климат для терроризма весьма благоприятен, что также способствует его распространению. Стоит включить телевизор, неважно где - в Нью-Йорке, Сан-Паулу или Москве, - и на вас обрушиваются бесконечные боевики, звучат выстрелы, льется кровь, захватываются самолеты и заложники, крутые парни в форме насмерть сражаются с крутыми авантюристами. Уже не один десяток лет полицейский, шпион, человек из "органов" и романтический налетчик являются героями нашего времени. Эти триллеры награждаются кинопремиями. Агрессивность, насилие буквально пронизывают современный шоу - бизнес.

Проведенные в последние годы исследования, касающиеся проблемы отражения насилия в средствах массовой информации, установили, что существует связь между уровнем насилия в СМИ и уровнем насилия в обществе.

Еще в 1969 году Национальная комиссия США по расследованию причин и предотвращению насилия сделала вывод о том, что жестокие фильмы учат людей добиваться своих целей с помощью насилия. Один из ведущих мировых исследователей агрессии Леонард Берковиц указывал, что в 1975 году, после покушения на президента Джеральда Форда, о котором было широко рассказано СМИ, число угроз, пришедших в адрес президента, выросло в три с лишним раза. Аналогичные истории происходят в тех случаях, когда СМИ сообщают о серийных убийствах. Берковиц считает, что новости о насильственных событиях и соответствующие фильмы могут разбудить жестокость в некоторых людях. В 1975 году психологи Лейенс и Камино (Бельгия) провели такой опыт: одним мальчикам-подросткам пять дней подряд показывали жестокие фильмы, другим - нейтральные. И первые стали чаще нападать друг на друга, а вторые вели себя как прежде. К аналогичным результатам пришла в 1991 году американка Венди Вуд. "Изображение насилия в СМИ, - пишет она, - влияет на уровень агрессивности человека". Берковиц дает этому явлению такое объяснение: когда люди сталкиваются с неким стимулом или событием, им в голову приходят родственные этому событию идеи. Например, если одному испытуемому предлагают составить предложение из "агрессивных" слов ("пистолет", "ударить", "напасть" и др.), а другому - из нейтральных, то первый после эксперимента продемонстрирует повышенный уровень агрессивности. Попросту говоря, он будет думать о пистолетах, ударах и нападениях. Но даже чрезвычайно агрессивный фильм не спровоцирует усиливающие агрессию мысли и моторные реакции, если насилие в нем будет подано как нечто отвратительное и осуждаемое. То же самое касается и "реальных" телепередач. Скажем, новости об убийце, казненном или приговоренном к пожизненному заключению, способны привести к кратковременному спаду уровня убийств в стране. Вероятность появления агрессивных мыслей у зрителя снижается, если тот не слишком втягивается, говоря себе, что это "всего лишь кино". Взрослые люди могут этого достичь, а вот дети - те не понимают, что это "понарошку". По данным Берковица, дети из неимущих семей менее склонны осознавать, что кино - это лишь вымысел, и поэтому они могут подвергаться большему воздействию телевизионной агрессии. Большинство российских детей растут в неимущих семьях... Телевизионная агрессия не только провоцирует реальную жестокость, она учит относиться к ней как к норме. Дети, посмотревшие агрессивный фильм, наблюдают за настоящей дракой более равнодушно, чем те, кто его не видел, и не пытаются вмешаться. Та же реакция была обнаружена и у студентов. "Чрезмерно частый показ насилия по телевидению, - пишут психологи Томас и Хортон, - может привести к тому, что население будет все больше привыкать к насилию". Получается, что люди смотрят жестокие фильмы, и в памяти у них откладываются соответствующие сценарии поведения. Особенно если герои добиваются своего, но не получают наказания [14](#).

Американский психиатр Д. Хаббарт проинтервьюировал сотни угонщиков самолетов - и почти все они говорили о воздействии на них медийной продукции. В 1979 г. демонстрация в одном из американских кинотеатров гангстерских фильмов "Ночные бульвары" и "Воины" настолько возбудила присутствующих в зале подростков, что они открыли стрельбу, убив 8 и ранив 5 человек. Эти примеры можно множить. Достаточно взглянуть на нынешнюю Россию, где фанаты и бритоголовые выросли в атмосфере десятилетнего беспредела на телевизионных экранах.

Аналогична роль средств массовой информации, которые соревнуются между собой в сенсационной подаче материалов о террористических актах. Журналисты ссылаются

на принцип объективности, обязанность предоставлять публике факты. Но прав американский автор Л. Мартин, что в основе лежит погоня за высоким рейтингом, что для ньюсмейкеров событие, связанное с терроризмом, - это новость высокого качества. В результате СМИ, сами, возможно, того не осознавая, работают на террористов, создавая им паблисити. Коммерческий успех любой ценой, этот главный внутренний импульс современной шоу- и СМИ-индустрии, приводит ее к вольной или невольной пропаганде терроризма. Иначе как объяснить появление ставшего чрезвычайно популярным в США бестселлера "Происшествие Кобра" Ричарда Престона, где в подробностях описывается биологическая атака на Нью-Йорк. Еще более поразителен пример книги "Тихая смерть" некоего американского автора Чарльза Прейслера - своего рода учебника по терроризму, где описывается, как изготовить "нервный газ", "атомную бомбу для маленького человека" или "рицин" - биохимическое вещество, в тысячи раз более токсичное, чем яды-цианиды. Когда автора спросили, зачем он пишет такие книги, он ответил, что хочет обеспечить безбедную жизнь двух своих дочерей.

Таким образом, к традиционным объяснениям истоков насилия (врожденная склонность человека к насилию, экономические и социальные особенности условий жизни общества, особенности взаимоотношений конкурирующих групп населения) добавились новые, указывающие на то, что существуют формы насилия, которые не имеют видимых социальных и экономических причин. Эти формы становятся особо значимыми в условиях информационного общества. Анализ показывает, что нередко причиной этих конфликтов становится некая "скрытая" от глаз информация, которая толкает к применению массового насилия. Такая скрытая информация может возникать стихийно, как некий предрассудок, воспринимаемый общественным сознанием как не требующая доказательств истина. Но она может формироваться и вполне целенаправленно и возникать в результате усвоения определенных идеологических постулатов¹⁵.

Особый интерес СМИ вызывают массовые формы насилия, кто бы их ни совершал, чем бы и как бы ни мотивировал. Террористы, антиглобалисты, футбольные фанаты, бунтующие студенты издавна являются любимыми героями медийных материалов.

Кроме того, на людей действуют не только образы насилия (то есть семантика медиа-текстов), но и специфический "язык вражды", которым пользуются СМИ, описывая даже вполне мирные ситуации. Агрессивную реакцию значительной доли населения вызывают сексизм и эротика, отвязный молодежный стеб (сленг), агрессивная реклама.

В средствах массовой информации, современной публицистической и научной литературе в последнее время часто можно встретить термины "зомбирование", "манипулятивные технологии", "психологические операции", "политические кампании" (информационно-пропагандистские, рекламные и т.п.), "комплексные манипуляции", "политические игры", "лоббирование", "кризисные технологии" и т.д.

Речь идет о способах скрытого принуждения личности к определенному поведению. СМИ все более и более становятся не только средством связи, обеспечивающим доступ людей к информации, к различным уровням контактов и общения, но и приобретают черты мощнейшего инструмента формирования сознания, чувств, вкусов, мнений огромных аудиторий людей и инструмента воздействия в желаемом для кого-то духе. В многочисленных политологических и социологических исследованиях западных СМИ установлен непреложный факт: СМИ являются "манипуляторами сознания".

Разумеется, нельзя преувеличивать значение СМИ в продвижении норм агрессивного поведения людей. Многие исследователи считают, что "высокий уровень насилия, характерный для современной кино- и телепродукции, предположительно, наряду с

другими факторами, может оказывать свое влияние на осуществление некоторых видов агрессивного поведения, но не следует переоценивать важность этой зависимости" (см. об этом - Бэрон Р., Ричардсон Д. Агрессия - СПб., 1998, с. 117). Проще говоря, экранное насилие не является первичной мотивацией агрессивного поведения (в свое время аналогичный вывод на обширном исследовательском материале делал И.С. Кон в отношении порнографии).

Другие исследователи полагают, что реакция на прочитанное, услышанное или увиденное зависит от интерпретации полученного сообщения. Другими словами, насилие в СМИ может вызвать соответствующие мысли и идеи. В свою очередь, эти мысли могут вызвать конкретные эмоции и поведенческие реакции.

Следовательно, необходимо, чтобы журналисты, определяющие основной набор транслируемых через СМИ образов и суждений, как минимум, были знакомы с современным пониманием проблематики насилия. И совсем было бы хорошо, если бы журналисты понимали свою роль в формировании той терроросреды, в которой все мы живем.

Для того чтобы обсудить эти вопросы, НИК провел серию круглых столов и научно-практическую конференцию "Война, терроризм, насилие в публикациях и передачах печатных и электронных СМИ", материалы которой и стали основой этой книги. В книгу также включены фрагменты результатов исследований, выполненных НИКом совместно с ПФ "КСДИ" в рамках Федеральной целевой программы "Формирование установок толерантного сознания и профилактика экстремизма в российском обществе (2001-2005 годы)". Соответствующий раздел "Аналитические материалы" подготовлен Михаилом Богомоловым, Иосифом Дзялошинским, Еленой Даниловой, Игорем Цыкуновым. Вошли в книгу интервью с руководителями и сотрудниками СМИ, пожелавшими высказаться по проблеме социального насилия и роли СМИ в его преодолении. Беседовала с Виктором Шендеровичем, Дмитрием Муратовым, Мусой Мурадовым сотрудница НИКа Анна Сазонова. Предисловие и Заключение написаны Иосифом Дзялошинским.